

Глава 56. Зеркало 04

Мин Чжаолинь знал, как превратить и без того зловещую атмосферу, напоминающую лёгкий фильм ужасов, в настоящий хоррор. — подумал Лу Хуэй.

После его слов Яо Хаохао застыла, а Ци Бай, чьё лицо можно было назвать миловидным, в одно мгновение побелел.

Даже Лу Хуэй на несколько секунд замолчал.

Он посмотрел на Мин Чжаолиня, убедился, что тот не пытался их намеренно напугать, а действительно видел то, о чём говорил, и это заставило его замолчать окончательно.

На какое-то время гостиная погрузилась в зловещую тишину, которая лишь усилила гнетущую атмосферу.

Особенно учитывая, что все они видели, как на стеклянной раздвижной двери, отделявшей балкон от гостиной, чётко и в то же время размыто отражались их фигуры.

Чётко — потому что на первый взгляд это было очень похоже на зеркало.

Размыто — потому что при внимательном рассмотрении можно было разглядеть, что их отражения накладывались друг на друга в несколько слоёв, а лица представляли собой не до конца стёртые нарисованные на бумаге черты лица.

Это не только создавало жуткое впечатление, будто смотришь запись с камер наблюдения, но и порождало глубокое чувство отчуждения, словно люди внутри были не они.

В такой обстановке вспоминать слова Мин Чжаолиня...

Бррр.

Лу Хуэя аж передёрнуло.

Поэтому он решил сменить тему, чтобы не усугублять нарастающую жуть:

— Телевизор.

Он кивнул на него подбородком:

— Или выключаем, или смотрим, что?

Яо Хаохао сжала кулаки, успокаиваясь:

— Хорошо.

Она подошла к телевизору, присела на корточки и, не глядя на экран с помехами, принялась его изучать. Сама она ничего не увидела, но Лу Хуэй и остальные наблюдали, как экран мигнул, на долю секунды промелькнула какая-то картинка, а затем он окончательно почернел.

На этот раз Мин Чжаолинь сам вызвался сказать:

— Всё так же, как и в прошлый раз. Это изображение с камер наблюдения в каждой комнате, в каждом углу.

Его голос был неторопливым:

— Только на этот раз люди немного отличаются... Точнее, их состояние отличается.

Яо Хаохао замешкалась, молча выдернула вилку телевизора из розетки, вернулась к дивану и услышала, как Мин Чжаолинь, после того как Ци Бай глупо спросил, что именно иначе, с большим удовольствием «подчинился» и пояснил:

— Там мы все — трупы.

Он склонил голову набок, а в его улыбке читались смесь ехидства зрителя с возбуждением, вызванным той картиной:

— И смерть была ужасной, тела усеяны осколками зеркал... Словно эти осколки проросли прямо из наших тел.

Одной этой фразы хватило, чтобы в воображении Яо Хаохао и Ци Бая возникла яркая картина, но прежде чем они успели испугаться, Лу Хуэй с отчаянием в голосе произнёс:

— Тебе обязательно нужно их пугать?

Он кивнул в сторону Яо Хаохао и Ци Бая:

— Он вас обманывает. На этот раз я и сам рассмотрел. Всё точно так же, как и в прошлый раз, просто изображение с камер, на котором мы такие же, как сейчас. Никаких трупов.

Услышав это, Мин Чжаолинь слегка приподнял бровь и усмехнулся.

Забавно.

Цзюнь Чаомань просто догадался или действительно считает, что этот инстанс именно такой?

Такой, что намеренно пугает их... а значит, они не должны поддаваться страху.

Поскольку Лу Хуэй предложил Мин Чжаолиню нечто более интересное, тот не стал подтверждать или опровергать его слова, и именно это заставило Яо Хаохао с Ци Баем облегчённо выдохнуть.

Сделав несколько глубоких вдохов, Яо Хаохао спокойно произнесла:

— Значит... телевизор намекает нам, что за нами ведётся наблюдение?

Она осмотрелась, но не обнаружив камер, слегка нахмурилась:

— Скрытые камеры? Или, может...

Может, за ними следят те невидимые сущности? А мелькавшее в телевизоре — это не изображение с камер, а их взгляд?

Яо Хаохао не задала два последних вопроса. Она помнила, что Лу Хуэй тогда не стал говорить прямо, и понимала, что некоторые вещи, возможно, нельзя произносить вслух. Тем не менее, и Лу Хуэй, и Мин Чжаолинь прекрасно поняли, о чём она думает.

Лу Хуэй с видом человека, охваченного раздумьями, посмотрел на поверхность стола, на пол, и даже на отражения в стеклянных дверях и окнах, и внезапно у него возникла новая мысль.

А что, если все эти «зеркала», способные отражать их, и есть устройства слежения? Что если название инстанса «Зеркало» означает не сами зеркала, а предупреждение быть осторожными со всем, что может служить зеркалом?

Всё же зацепок слишком мало.

Подумал Лу Хуэй.

Слишком много возможностей, но недостаточно зацепок, чтобы исключить некоторые из всех текущих догадок.

Похоже, без событий этой ночью не обойтись.

Что ж, так тому и быть.

Всё-таки это инстанс отборочного турнира, даже если это лишь первый этап, быстро пройти его не получится.

— Давайте сначала посмотрим, что случится сегодня ночью. — сказал Лу Хуэй.

Яо Хаохао поняла к чему он клонит:

— Верно.

Но телевизор не работал, и больше нечего было делать, так что в доме на время воцарилась настоящая тишина.

Эта тишина могла породить новый страх, поэтому Лу Хуэй, подумав, предложил:

— Может, займёмся чем-нибудь?

Трое посмотрели на него. Яо Хаохао и Ци Бай подумали, что он предложит помочь Лю Пин и Жэнь Цзюю, но вместо этого Лу Хуэй хлопнул в ладоши:

— Я видел в кабинете наверху «Самолётики*» Сыграем?

* 飞行棋 (fēixíngqí) — популярная китайская настольная игра, в которой игроки передвигают фишки-самолётики по маршруту, бросая кубик.

Яо Хаохао испытала лёгкое недоумение:

— У кого же найдётся настроение...

— Что это?

Мин Чжаолинь, обычно игнорировавший других игроков, повернул голову.

Лу Хуэй, ничуть не удивившись, объяснил ему что это такое, и интерес Мин Чжаолиня тут же возрос.

Ци Бай лишь удивился, что Мин Чжаолинь не знал о самолётиках, а вот Яо Хаохао нахмурилась.

...Почему Мин Чжаолинь не знает о самолётиках?

Неужели он попал в игровой мир очень-очень давно? Но он же игрок из Утопии, а не из Центральной зоны. Он что, всё это время не поднимался выше или по какой-то другой причине оставался внизу?

Яо Хаохао кое-что узнала о Мин Чжаолине, особенно после того, как Лу Хуэй сообщил ей, что тот, скорее всего, будет проходить инстансы вместе с ними, и она постаралась разузнать хоть что-то.

Хоть она и знала немного, но, казалось, Мин Чжаолинь провёл в игровом мире не так уж долго; по крайней мере, его слава разнеслась недавно. Но в Утопии нет настоящего течения времени, нет и дат, так что они не знали точно, когда именно.

В таком случае, почему Мин Чжаолинь не знал о самолётиках?

Лу Хуэй поднялся наверх, принёс игру и разложил поле:

— Ты каким цветом будешь? — спросил он Мин Чжаолиня.

Тот посмотрел и небрежно ткнул пальцем:

— Пусть красный.

И тут же в голове некоего студента начал разворачиваться роман, где красный — это не просто цвет, а багрянец крови, пугающий и манящий одновременно... избитый, но неизменно действенный приём для создания безумных героев.

Не зная, о чём он думает, Лу Хуэй показал на Яо Хаохао:

— Будешь играть? Какой цвет?

Раз уж делать всё равно нечего, да и Лу Хуэй уже принёс игру, можно и сыграть партиюку

другую. — подумала Яо Хаохао и тоже ткнула наугад.

— Белый.

Лу Хуэй посмотрел на Ци Бая:

— Сяо Бай ь?

Ци Бай ответил:

— Т-тогда я жёлтый.

Синий цвет остался для Лу Хуэя.

С древних времён красный и синий составляли пару, он не смел их разлучать.

В конце концов, чтобы вывести «самолёт», нужно выбросить шестёрку, и кто первый бросал, не имело значения, поэтому Лу Хуэй начал первым.

С первой же попытки ему выпала шестёрка, и он невольно приподнял бровь:

— Повезло.

Он вывел один «самолёт», передал кости Мин Чжаолиню, и тот тоже выбросил шестёрку, тоже выведя один.

Но когда очередь дошла до Яо Хаохао, шестёрка не выпадала, как, впрочем, и у Ци Бая.

Таким образом, после четырёх кругов Яо Хаохао с Ци Баем могли лишь бессильно наблюдать, как Лу Хуэй с Мин Чжаолинем вывели все свои «самолёты».

Яо Хаохао: «...»

Она помолчала, не в силах скрыть недоумения:

— Мы же не делали ставки?

— Нет. — Лу Хуэй наклонил голову, — Хочешь поставить?

Яо Хаохао:

— Нет, я просто хочу знать, зачем вам двоим жульничать, раз нет ставок?

Жульничать в «самолётиках»?!

Ци Бай аж рот разинул.

Лу Хуэй приподнял бровь, но не стал отрицать:

— Раскусила?

Яо Хаохао указала на игральную кость и с лёгкой улыбкой произнесла:

— Стоит ей оказаться у вас в руках, как сразу выпадает шестёрка, и ты называешь это везением?

Лу Хуэй рассмеялся, но не стал спорить:

— Не люблю проигрывать.

Он постучал по игральной кости:

— К тому же, умение жульничать — это тоже способность.

Яо Хаохао не собиралась спорить, лишь удивилась:

— Когда ты ещё и этому научился?

Ведь Лу Хуэй говорил, что он вспомогательный офицер полиции. Разве им нужно такое уметь?

— Ах.

Лу Хуэй, не моргнув и глазом, ответил:

— Раньше внедрялся в казино под прикрытием. Наверное, у меня талант, немного поучился — и освоил.

Яо Хаохао:

— ...Вспомогательных офицеров ещё и работать под прикрытием отправляют?

Лу Хуэй усмехнулся:

— А что, смотришь свысока на вспомогательных офицеров?

Он, конечно, пошутил, и Яо Хаохао явно не смотрела на них свысока, просто между вспомогательными и штатными офицерами есть разница, и первых редко отправляют на подобные задания.

...Она же говорила Лу Хуэю, что знакома с несколькими полицейскими, а он всё равно без тени смущения продолжал свою историю. Либо он и впрямь был вспомогательным офицером, либо был уверен, что его не разоблачат, либо... это была крайне небрежная ложь.

Но всё это не касалось Яо Хаохао, ей и вправду не было дела до того, кем был Лу Хуэй. Она сказала это просто от недоумения, и даже если бы Лу Хуэй ответил ещё более уклончиво, она бы не стала допытываться.

Пусть даже знания и умения Лу Хуэя были слишком разносторонними, а его история и впрямь звучала неправдоподобно, он был из тех, кто «с людьми говорит по-человечески, а с нечистой — по-нечистому», а если сталкивался и с теми, и с другими, и его ставили под сомнение, то сыпал и человеческими, и нечистивыми речами. Яо Хаохао было всё равно, её волновало лишь одно — выбраться отсюда.

У неё было очень важное дело, которое требовало завершения, и она хотела знать, каким бы — хорошим или плохим — оно ни было. Это было то, к чему она стремилась всю свою жизнь.

.

Все они были взрослыми людьми и не настолько придавали значение победе в одной партии «Самолётиков», чтобы заставлять Лу Хуэя с Мин Чжаолинем вернуть фишки на старт и играть честно. В конце концов, они просто убивали время, да и Яо Хаохао с Ци Баем признавали правоту слов Лу Хуэя о том, что «жульничество — это тоже умение».

Так что эта партия превратилась в игру Лу Хуэя против Мин Чжаолиня и Ци Бая против Яо Хаохао — притом формально это была одна игра.

Потому что Лу Хуэй и Мин Чжаолинь были теми ещё детьми и до крайности серьёзно относились к победе в таких вещах.

Сначала Лу Хуэй отправил обратно на старт «самолёт» Мин Чжаолиня, а тот, узнав, что так можно, стал безжалостно отсылать назад «самолеты» Лу Хуэя.

Так что в итоге, когда все четыре «самолёта» Яо Хаохао и Ци Бая уже благополучно приземлились, те двое всё ещё продолжали сражаться.

Как бы это сказать... Создавалось ощущение, что их волнует только победа друг над другом.

И пока Лу Хуэй с Мин Чжаолинем доигрывали, Лю Пин и Жэнь Цзюем объявили, что ужин готов.

Ингредиентов в холодильнике было не шибко много, так что выбор блюд оказался небогатым, и ничего особо впечатляющего не было.

Лу Хуэй сел и спокойно съел сначала три ложки риса, что заставило Яо Хаохао пристальнее на него посмотреть.

Лу Хуэй:

— ?

Яо Хаохао сказала, что всё в порядке, лишь опустила взгляд и пробормотала:

— Просто вспомнила, как в детстве отец всегда заставлял меня сначала съесть три ложки риса, а потом уже браться за остальные блюда. Говорил, что так полезнее для желудка.

Теперь настала очередь Лу Хуэя замереть. Он вспомнил, как Яо Хаохао назвалась Лу Юаньюань... Хотя иероглифы разные, но привычка в еде, плюс Яо Хаохао говорила, что её родители — учителя, а отец — профессор факультета китайской филологии... Тцк.

Лу Хуэй мысленно спрашивал себя, не подорвал ли он в прошлой жизни всю вселенную, раз в этой с ним так обходятся, заставляя отрабатывать карму.

Почему ему так не везёт?

Почему именно...

Лу Хуэй пережёвывал во рту жареную свинину с перцем и мысленно вздохнул.

Пожинав, Лу Хуэй с видом человека, охваченного раздумьями, взглянул на рисоварку.

И у него, и у Мин Чжаолиня аппетит был довольно богатырским, что обычный человек вряд ли мог предугадать, но кто знает, то ли Лю Пин и Жэнь Цзюй боялись, что еды не хватит, то ли ещё почему, но они сварили много риса, как раз достаточно, чтобы все наелись.

После ужина Яо Хаохао с Ци Баем вызвались помочь убрать со стола, но Лю Пин и Жэнь Цзюй снова их остановили.

Не сумев их переубедить, они махнули на это рукой.

А вот Лу Хуэй, вставая, спросил:

— Кстати, какие у вас способности?

В игровом мире любой, у кого есть хоть капля ума, скрывает свои способности, разве что того требуют обстоятельства. Но сейчас явно не тот случай, да и Лу Хуэй спросил внезапно, не предложив взамен назвать свои.

Лю Пин и Жэнь Цзюй обменялись взглядами, в которых смешались смущение, неловкость и робкий испуг. В основном потому, что отношения Лу Хуэя и Мин Чжаолия явно были особыми, и, если бы Лу Хуэй настоял на своём, достаточно было бы разыграть карту Мин Чжаолия, и даже не пришлось бы ничего делать — они бы наверняка рассказали.

Но, видя их нежелание говорить, Лу Хуэй сказал:

— Ничего страшного, если не хотите — не говорите. Я просто спросил из любопытства.

Лю Пин поспешно ответила:

— Простите, наши способности всё равно бесполезны. Но если потом они понадобятся, мы не станем их скрывать.

Лу Хуэй улыбнулся:

— Хорошо, не страшно.

После ужина ничего так и не произошло.

Лу Хуэй посмотрел на непроглядную тьму за окном, затем на часы, которые показывали девять вечера, поднялся и потянулся:

— Пора на боковую, господа.

— Так рано?

Яо Хаохао взглянула на время:

— Сейчас всего девять.

— Какой смысл сидеть без дела. — Лу Хуэй ухмыльнулся, — Лучше понадеемся на сегодняшнюю вечернюю программу.

Зная, что он имел в виду, Яо Хаохао испытала лёгкое недоумение, но ничего не сказала.

Когда Лу Хуэй и Мин Чжаолинь зашли в комнату, Лу Хуэй без лишних церемоний принялся рыться в гардеробе:

— Одежда хозяина тебе впору, рост примерно такой же. А мне не очень.

Взгляд Мин Чжаолиня упал на висевшее рядом платье, и он слегка приподнял бровь.

В его воображении возник образ Лу Хуэя в женской одежде, и, к его удивлению, он показался ему подходящим.

С первого взгляда Лу Хуэй не производил впечатления женщины, однако его внешность обладала своеобразной бесполой красотой. Две маленькие вертикальные родинки под правым глазом придавали ему особое, запоминающееся очарование.

Если бы он отрастил длинные волосы... Сложно представить, но стало любопытно.

— А-Мань. — вдруг ни с того ни с сего спросил Мин Чжаолинь, — Ты не думал отрастить волосы?

Лу Хуэй, занятый поиском подходящей одежды, услышал вопрос и недоуменно обернулся. Его взгляд упал на Мин Чжаолиня, который пристально рассматривал платье.

Лу Хуэй: «...»

— Даже не думай.

Лу Хуэй с каменным лицом указал на него и предупредил:

— Ты хоть в женском платье ходи, а я не буду.

Но если бы Мин Чжаолинь переоделся в женское... ссс.

Глаза бы вытекли.

Надо сказать, что длинные волосы Мин Чжаолиню на самом деле не особо шли, с первого взгляда всё равно казалось немного странным, потому что его лицо было слишком выразительным.

Только присмотревшись, постепенно начинало казаться, что и это ему подходит, придаёт индивидуальности и делает его ещё более опасным и безумным.

Мин Чжаолинь рассмеялся.

Лу Хуэй не понимал, что на него нашло:

— Я первый в душ.

— Как хочешь. — Мин Чжаолинь убрал ноги, давая ему пройти.

Лу Хуэй прошёл мимо и, уже у двери в ванную, вдруг что-то вспомнил и сказал Мин Чжаолиню:

— Проследишь за тем, что наверху, ладно?

Зная, что он имел в виду, Мин Чжаолинь лениво приподнял веки:

— А что я с этого получу?

Просить его защищать Ци Бая и при этом пытаться внушить ему идею о командной работе в инстансе — это было бесполезно.

Поэтому Лу Хуэй вздохнул:

— Я уже должен тебе одно желание, и ещё что-то придётся задолжать?

Хоть он так и сказал, он всё же спросил:

— Что ты хочешь получить?

Мин Чжаолинь очень серьёзно задумался.

Спросить Лу Хуэя про «Лу Юаньюань»? Неинтересно.

Раз уж он пока не собирался убивать Лу Хуэя, некоторые вещи было увлекательнее раскрывать постепенно; если сразу выпытать ответ, кто знает, будет ли в его словах хоть капля правды.

Что касается других вопросов... Мин Чжаолинь казалось, что они недостаточно пикантные.

Но он и не мог придумать, чего ещё можно было бы попросить. Заставить Лу Хуэя задолжать ещё одно желание?

Это было бы ещё скучнее.

Так что Мин Чжаолинь, подперев подбородок, долго думал и наконец под пристальным взглядом Лу Хуэя произнёс:

— Ответить на один вопрос — сойдёт?

Лу Хуэй честно ответил:

— Это зависит от того, что ты спросишь.

Мин Чжаолинь:

— Не бойся.

Он усмехнулся:

— Я не буду выпытывать твои тайны, их всё равно из тебя не вытянешь.

Лу Хуэй всё же осторожничал:

— Сначала скажи, а я уж сам решу.

Мин Чжаолинь сказал:

— Ты когда-нибудь встречался с кем-то? Или... Ты в кого-нибудь был влюблён? Именно в романтическом плане.

Лу Хуэй опешил.

Он никак не ожидал, что Мин Чжаолинь задаст именно такой вопрос, поэтому на мгновение он

потерял дар речи, и выражение его лица стало странным.

Мин Чжаолинь... зачем он его об этом спрашивает?

Лу Хуэй не был полным профаном в чувствах, напротив, он был умен во всём, но... Мин Чжаолинь не мог же и вправду испытывать к нему нечто подобное.

Ведь он заложил в основу образа Мин Чжаолиня то, что тот не способен полюбить кого бы то ни было, будь то любовь, дружба или что-то ещё, и за всю жизнь у него не будет никаких привязанностей.

Но...

Лу Хуэй также помнил, как днём у Мин Чжаолиня внезапно пропало желание убивать его.

Под пристальным, искренне любопытным взглядом Мин Чжаолиня, Лу Хуэй на мгновение замолчал. Он вдруг осознал, что эта почти детская, но при этом столь пронзительная пытливость Мин Чжаолиня придавала ему какую-то отстранённую, почти нечеловеческую чистоту. Лу Хуэй понял, что, возможно, сегодняшняя встреча с Лю Пин и Жэнь Цзюем пробудила в Мин Чжаолине интерес к тому, что такое симпатия и любовь.

Влюблённые пары среди игроков встречались нечасто, а даже если и завязывались какие-то отношения, то в основном плотские, а такие, как Лю Пин и Жэнь Цзюй, которые называли себя парой и в чьём общении сквозила некая чистая любовь, возможно, и впрямь были первой парой, с которой столкнулся Мин Чжаолинь — по крайней мере, Лу Хуэй не писал, что тот встречал таких.

Но именно поэтому Лу Хуэй испытывал ещё более сложные чувства.

Он и впрямь... наделил Мин Чжаолиня любопытством к таким вещам, но в то же время жестоко лишил его способности любить.

Лу Хуэй мысленно вздохнул, подумав, что он, наверное, самый «нелюбящий» своих персонажей автор.

— ...Нет. — Поэтому Лу Хуэй очень серьёзно ответил Мин Чжаолиню, — Я ни в кого не был влюблён и ни с кем не встречался.

Он даже добавил кое-что от себя:

— Подобные вещи для меня... чужды и далеки. Я никогда не думал о том, чтобы создавать подобные отношения с кем-либо.

Мин Чжаолинь приподнял бровь, слегка удивлённый, но не особо поражённый.

Во-первых, потому что Лу Хуэй во многих ситуациях выглядел как нормальный человек: мог гневаться, радоваться, печалиться, бояться, колебаться — не то что он сам; Лу Хуэй был... очень живым. Во-вторых, потому что Лу Хуэй во многих других ситуациях производил впечатление человека, отталкивающего других, словно бы отвергающего любые связи, даже дружеские; по отношению к Ци Баю и Яо Хаохао он тоже сохранял некую намеренную отстранённость и холодность.

Но именно это и делало его особенно живым.

Получив ответ, Мин Чжаолинь усмехнулся и махнул рукой. Лу Хуэй больше ничего не сказал и зашёл в ванную.

Честно говоря, прежде чем открыть воду, Лу Хуэй на секунду представил, как польётся кровавая вода или появятся чёрные волосы, но ничего такого не случилось.

Просто слегка пожелтевший белый водонагреватель, которым явно пользовались много лет.

Раздевшись, Лу Хуэй уставился на своё размытое отражение на кафельной плитке — впервые отражение в ванной было настолько чётким, по крайней мере, по сравнению с другими.

Поэтому он не удержался и прикоснулся кончиками пальцев к белой плитке, проводя по отражению старых шрамов на своём теле.

Многие из них уже стёрлись из памяти, и, если присмотреться, было видно, что они зажили, превратившись в бледные белые линии, просто выглядели они особенно уродливо.

Но был и один совсем свежий.

Лу Хуэй редко смотрел на своё тело. В ванной у него дома раньше было зеркало в полроста, но, чтобы случайно не увидеть себя, он его разбил.

Он помнил, что после того, как его разбил, осколки так и валялись, пока как-то раз Чэн Фэй не пришёл к нему помочь с чем-то... и, увидев повсюду осколки, которые уже много раз смывало водой и пеной, молча прибрался.

Кажется, это был тот же раз.

Чэн Фэй и Инь Цзя, оба привыкшие говорить прямо, долго и неловко пытались уговорить его сходить к врачу. На самом деле, когда они сели поговорить, Лу Хуэй с первых же фраз догадался, что они хотят сказать, но не стал затрагивать эту тему, а наблюдал, как они, ёрзая и

почёсываясь, с огромным трудом подбирают слова, и лишь потом со смехом согласился.

...В те времена он и впрямь был немного зол, любил смотреть, как его близкие люди мучаются.

Воспоминания о прошлом на мгновение окутали Лу Хуэя дымкой, и он, сам неизвестно почему, взглянул на своё тело.

Новая рана на животе на самом деле не такая уж и свежая: её уже зашили, струп отпал, она зажила, но по сравнению с другими шрамами зажившая рана ещё сохраняла розоватый оттенок, и когда он проводил по ней рукой, чувствовалась лишь лёгкая щекотка.

Но Лу Хуэй и так был щекотлив, поэтому он надавил сильнее.

Боль, будто от удара арматурой, пронзившей и разорвавшей плоть, словно вновь хлынула из памяти.

На самом деле он очень боялся боли, но Лу Хуэй почти оцепенело давил на шрам, сантиметр за сантиметром, используя фантомную боль, чтобы протрезветь.

Это мир романа, и ему нужно вернуться.

У него есть незаконченные дела.

.

Когда Лу Хуэй вышел из душа, он увидел, что Мин Чжаолин, распахнув дверь спальни, прислонился к косяку, словно одновременно присматривая за ним и прислушиваясь к тому, что происходит наверху.

От этого Лу Хуэй невольно замер, и в голове у него само собой пронеслось: В этом плане Мин Чжаолин всё же надёжен.

То есть если он что-то пообещал, то обязательно сделает.

— По крайней мере, насколько я слышал, наверху ничего не происходит.

Мин Чжаолин сказал Лу Хуэю:

— Подниматься проверять или нет — решай сам.

Лу Хуэй не собирался подниматься:

— Незачем. Я же им не нянька, да и Яо Хаохао не слабачка.

Он кивнул в сторону ванной:

— Вода ещё горячая, иди мойся.

Водонагреватель был старой модели, а значит, если мыться долго, вода будет постепенно остывать, и, если предыдущий человек задержится, следующему достанется лишь слегка тёплая вода.

Но Лу Хуэй просто помылся, а не стоял под душем часами, так что вода, конечно, осталась горячей.

Мин Чжаолиня не смутили ни пар в ванной, ни лёгкий запах Лу Хуэя; он лишь собрал волосы и, взяв одежду, найденную в гардеробе, отправился мыться.

Он специально выбрал штаны с большим количеством карманов, чтобы сложить туда всякую всячину из карманов своей боевой формы.

Например, фонарик, лекарства, а ещё кинжал и складной нож.

Они уже провели несколько ночей вместе в Утопии, и эти несколько ночей в инстансе ничего не меняли.

Разве что Лу Хуэй очень серьёзно предупредил Мин Чжаолиня:

— Только не спи слишком крепко.

— Само собой.

Мин Чжаолинь поднял бровь:

— Мы же в инстансе.

Он вернул слова Лу Хуэю:

— Это я должен тебе сказать, чтобы ты не отрубался.

Лу Хуэй считал, что в этом на Мин Чжаолия можно положиться, поэтому спокойно выключил свет и заснул.

Однако на следующее утро, когда Лу Хуэй проснулся от солнечных лучей, пробивавшихся сквозь незатемняющие белые шторы, он обнаружил, что лежит в объятиях Мин Чжаолия.

Тот, видимо, крепко уснув, на автопилоте перекатился на его сторону и обнял его.

Лу Хуэй: «...»

Ощущая на себе тяжесть его руки и ноги, он очень хотел спросить у вчерашнего Мин Чжаолия, куда делось его «Мы же в инстансе»?

Но его также озадачивало: если Мин Чжаолия спал крепко, то ладно, но он-то, по идее, не должен был.

Прошлой ночью он действительно не почувствовал, как Мин Чжаолия перекатился на его сторону.

И ещё...

Лу Хуэю не нужно было смотреть на Мин Чжаолия, чтобы понять, что тот, скорее всего, раньше него почувствовал свет и инстинктивно повернулся, уткнувшись в его шею, ища спасения в надёжном углублении между плечом и шеей, используя его как щит от яркого света.

...как же щекотно.

Проснувшись, Лу Хуэй уже не мог этого выносить, пошевелился, пытаясь уклониться от горячего дыхания Мин Чжаолия, но тот лишь крепче прижал его к себе.

Лу Хуэй: «...»

Если он даже после этого не просыпается, то тут явно что-то не так.

Лу Хуэй погрузился в раздумья.

Может, дело в том ужине?

Мин Чжаолия съел больше него.

Лу Хуэй в нерешительности размышлял, не разбудить ли ему Мин Чжаолия. Дело в том, что в Утопии у них было негласное правило: оба знали, что другой в курсе, но делали вид, что не знают.

А если разбудить сейчас... Мин Чжаолия смутится?

Лу Хуэй с нескрываемым злорадством предвкушал увидеть его смущение.

Он этого не писал. А даже если писал — одно дело написать, другое — увидеть.

Поэтому Лу Хуэй пошевелил рукой и похлопал Мин Чжаолия по колену:

— Друг, уже рассвело, солнце булки жжёт, птицы... ладно, птиц не слышно.

Он ткнул его ещё раз:

— Мин Чжаолия, ты не слишком крепко спишь?

Эти два действия Лу Хуэя мгновенно разбудили Мин Чжаолия.

Тот резко открыл глаза, и приятный запах Лу Хуэя был уже не просто рядом — его нос уткнулся в кожу другого.

Он поднял голову, встретил насмешливый, полный злорадства взгляд Лу Хуэя, совершенно невозмутимо убрал с него свои руку и ногу и мгновенно перешёл в «режим инстанса»:

— Что-то не так.

Он не считал, что заснул так крепко из-за того, что рядом был Лу Хуэй, потому что в «Санатории 444» у него не было такой проблемы.

Лу Хуэй кивнул:

— Верно.

Он признавал, что с инстансом что-то не так, но узнать отреагирует ли Мин Чжаолия на его ночные перемещения, ему хотелось больше:

— Но мне больше интересно...

Не успел Лу Хуэй договорить, как лежавший рядом с ним кое-кто резко перевернулся и навис над ним.

Его распущенные волосы упали вниз, словно клетка, заточив голову Лу Хуэя, а сам Лу Хуэй оказался в его тени.

«...»

Мин Чжаолинь усмехнулся:

— А-Мань, неужели мысль о том, что ты проспал у меня в объятиях, не даёт тебе покоя?

Лу Хуэй:

— ?

Что это он несёт???

Мин Чжаолинь, глядя на его широко раскрытые от изумления глаза, вспомнил, как Лу Хуэй вывел его из себя в «Деревне Цзюаньлоу», и неспешно вернул ему должок:

— Кстати, вчера вечером я спросил тебя о твоей личной жизни. Ты что, подумал, что я в тебя влюблён?

Мин Чжаолинь склонил голову набок:

— Учитывая твой характер, если бы у тебя было такое заблуждение, тебе следовало бы держаться подальше. Но ты не только не отдалился, но и...

Он намеренно не договорил, что именно «но и», послав двусмысленный намёк.

И следующую фразу произнёс с улыбкой:

— Особенно учитывая, что в Деревне Цзюаньлоу ты, кажется, очень боялся, что я умру, дрожал сильнее, чем те трусливые игроки перед лицом смерти... А-Мань, а может это ты в меня влюблён?

Лу Хуэй: «...»

Лу Хуэй: «.....»

Наконец-то он понял, почему в Деревне Цзюанью его слова так взбесили Мин Чжаолинь, что тот полдня не хотел с ним разговаривать.

В этот самый момент Лу Хуэй, не моргнув и глазом, чувствуя, как у него по коже бегут мурашки, и одновременно скривив лицо, будто его только что накормили живыми червями, открыл рот и изрёк:

— Иди к чёрту.

Мин Чжаолинь, видя его выражение лица, столь же отвращённое, как если бы он и впрямь съел живых червей, расхохотался, в прекрасном настроении перекатился с кровати и, даже услышав «иди к чёрту», ни капли не рассердился, а лишь с улыбкой отправился умываться.

Если бы не то, что он не мог его одолеть, Лу Хуэй и впрямь вломил бы ему кулаком.

Он знал, что Мин Чжаолинь просто спонтанно, вспомнив, как тот выбесил его из себя в Деревне Цзюанью, решил отомстить.

Как по-детски.

Лу Хуэй показывает средний палец.jpg

Однако Лу Хуэй был слегка удивлён, когда, выйдя из спальни, они увидели, что Яо Хаохао, Ци Бай, Лю Пин и Жэнь Цзюй тоже спустились вниз, и все говорили, что ночью ничего не произошло.

...Неужели придётся всё же ломать стену?

Размышляя об этом, Лу Хуэй, прохаживаясь по гостиной, пока Лю Пин и Жэнь Цзюй говорили, что пойдут готовить завтрак, заметил настоящую проблему...

На настенных часах по-прежнему была вчерашняя дата!

Зрачки Лу Хуэя сузились, и он почти рефлекторно позвал:

— Мин Чжаолинь.

Мин Чжаолинь, присевший перед прозрачной, кое-как отражавшей силуэты тумбой под телевизор, чтобы проверить, нет ли там чего подозрительного, приподнял бровь и поднялся:

— Что такое?

Проследив за взглядом Лу Хуэя, он увидел вчерашнюю дату, после чего снова поднял бровь:

— Забавно.

Либо они сломались, либо...

Они застряли в одном и том же дне.

Авторское послесловие:

Вспомнила мем «Я застрял в одном дне xx лет».

<http://bllate.org/book/12898/1420384>